

УДК 159.94

М.Я. Яхьяев, З.Г. Яхьяева

Психология экстремистской агрессивности¹

Дагестанский государственный университет, muchtar59@mail.ru

В статье устанавливаются специфические психологические факторы, провоцирующие экстремистскую агрессивность, анализируются механизмы, детерминирующие агрессивное поведение, обосновывается положение, что психологическая мотивация экстремистской агрессивности изначально увязана с преобладающим мотивом активного стремления к деструкции, нанесению существующей социальной среде максимального ущерба.

Ключевые слова: *агрессия, агрессивность, экстремист, мотивация, цель, фрустрация, деструкция.*

Понимание сути экстремистской агрессивности как разновидности человеческой агрессии наряду с выяснением общей природы, социальных истоков, форм проявления требует также осмысления ее психологических особенностей. В социальной психологии агрессия определяется как физическое или вербальное поведение, имеющее целью причинение вреда кому-либо. Выделяются две ее разновидности: целемотивированная враждебная агрессия и нецелемотивированная инструментальная агрессия. Агрессия человека отличается от агрессии животных, у которых она заложена на уровне инстинктов, и в её основе лежит нейрофизиологический механизм оборонительной реакции, за исключением агрессии хищников.

Человеческая агрессия более разрушительна и интенсивна, чем агрессия животного, хотя и в ее основе лежит нейрофизиологический механизм оборонительной агрессии, но у человека он складывается на принципиально ином уровне социально детерминированных потребностей и интересов. На это указывал Э. Фромм: «Человек – это единственная особь среди млекопитающих, способная к садизму и убийству в огромных масштабах» [1, с. 144]. К тому же человек в отличие от животного критическую ситуацию угрозы своим базовым витальным потребностям и интересам осмысливает идеологически.

По глубинным причинам и мотивам, порождающим агрессию человека, а также по последствиям агрессивного поведения как для личности самого агрессора, так и для общества различаются две ее основные разновидности: 1) биологически адаптивная, оборонительная, доброкачественная агрессия, 2) биологически неадаптивная, злокачественная агрессия. Биологически адаптивная агрессия человека возникает как ответ на угрозу витальным потребностям и является реакцией личности на ущемление ее жизненно важных потребностей и интересов. «Биологически адаптивная агрессия... заложена в филогенезе; она свойственна как животным, так и людям; она носит взрывной характер и возникает спонтанно как реакция на угрозу; а следствие ее – устранение либо самой угрозы, либо ее причины» [4, с. 256].

Такую разновидность человеческой агрессии мы можем назвать реактивно-психологической агрессией. Ее основными формами являются: «борьба за свободу», агрессия на почве индивидуального и коллективного «нарциссизма» и агрессия «сопротивления» истине. Помимо них к доброкачественным агрессиям, способствующим адаптации личности к социальной среде и служащим средством защиты ее жизненных

¹ Статья подготовлена в рамках проекта 18С Программы стратегического развития ДГУ.

интересов, Э. Фромм также относит «инструментальную» и «конформистскую» агрессию [1, с. 272–273]. Биологически неадаптивная агрессия, характерная только человеку, не заложена в филогенезе и не является защитной реакцией, она деструктивна, приносит не только биологический вред, но и социальные разрушения. Двумя основными разновидностями такой агрессии являются: 1) спонтанные формы, не связанные со структурой характера, 2) формы агрессии, обусловленные патологическим нравом человека.

Спонтанные проявления человеческой агрессии обусловлены разрушительным потенциалом личности, проявляющимся при конкретных постоянно действующих социальных факторах и обстоятельствах. Они не связаны с изначально деструктивной природой человека, но обусловлены возбуждением в нем в конкретных чрезвычайных жизненных ситуациях деструктивных импульсов, до поры до времени «дремлющих в природе человека». Такие вспышки спонтанной разрушительности кратковременны, они провоцируются войнами, конфликтами, нуждой, чувством обездоленности и безысходности, высокой степенью нарциссизма и пр.

Двумя основными разновидностями спонтанной агрессии являются экстагическая агрессия и агрессия из мести. Первая связана с многообразными формами экстагического состояния группы людей или отдельного человека, когда носитель агрессии впадает в состояние аффективной агрессивности в результате отключения контроля разума над собственным поведением. От нее отличается агрессия из мести, которая проявляется как «ответная реакция индивида на несправедливость, которая принесла страдания ему или кому-либо из членов его группы» [1, с. 378].

Помимо обозначенных выше форм человеческой агрессивности в психологической литературе отмечаются и другие разновидности, связанные с патологическими особенностями характера. К ним относятся садистская (садомазохистская) агрессия и некрофильская агрессия. Сущность садистской агрессии состоит в желании причинять боль либо другим, либо самому себе. Она обусловлена жадой абсолютной власти над живым существом и может проявляться как в физическом, так и в психическом насилии. В ее основе лежит патологический садомазохистский характер, главными чертами которого являются: стремление к неограниченной власти над живыми существами; направленность на незащищенное и слабое существо; готовность подчиняться более сильным людям; трусость; отсутствие плодотворной направленности; разрушительность как для субъекта, так и объекта агрессии и т. п.

Некрофильская агрессия – это страстное тяготение ко всему разлагающемуся, больному, мертвому, влечение к чисто механическому. По сути, это устремленность к разрушению ради разрушения и желание превратить все живое в неживое. Некрофильская агрессия видит в насилии единственный способ разрешения всех проблем и конфликтов, ее характеристиками являются холодность, безучастность, педантичность и ориентированность на прошлое. Как пишет Фромм, это особое отношение к вещам, когда «вещи господствуют над человеком; «иметь» господствует над «быть», обладание – над бытием, мертвое – над живым» [1, с. 465–466].

Какие же из этих характеристик общей природы человеческой агрессии являются особенностями экстремистской агрессивности? Отвечая на этом вопрос, мы можем связать экстремистскую агрессивность с оборонительной инструментальной агрессией человека. Основанием такой увязки является то, что разрушительные насильственные действия здесь не самоцель, а средство изменения неприемлемых социально-исторических условий в соответствии с социальными идеалами и мировоззренческими установками экстремиста. Одновременно экстремистская агрессивность предстает обо-

ронительной, реактивной агрессивностью, обусловленной ситуацией социальной фрустрации базовых интересов и потребностей человека. Но при этом важно то, что она является неадекватным, иллюзорно-утопическим способом психологического преодоления такой нетерпимой ситуации.

В формах коллективной и индивидуальной спонтанной человеческой агрессии нередко находит свое проявление экстремизм. Экстремистская агрессивность неразрывно связана и с такими разновидностями деструктивной агрессии, как патологическая садомазохистская и некрофильская агрессия. Но ни в одной из этих разновидностей человеческой агрессии не заложена вся сущность экстремистской агрессивности. Иначе говоря, рассматривая экстремистскую деятельность различных социальных носителей экстремистской идеологии, мы обнаруживаем особенности не одного, а нескольких видов как деструктивной, разрушительной, так и доброкачественной, оборонительной агрессии.

Для более глубокого понимания природы экстремистской агрессивности углубимся в психологические механизмы, детерминирующие агрессивное поведение. Экстремистская агрессивность как целостный социально-психологический феномен включает в себя ряд элементов, имеющих свою специфику, обусловленную взаимодействием с другими его компонентами. Среди них значимое место занимают мотивы, цели, действия, результаты и коррекция агрессивного поведения. Экстремистская агрессивность рождается не просто негативными психическими эмоциями, она мотивирована конкретными экстремистскими целями, которые принимают форму более или менее разработанной системы убеждений, важным элементом которых является представление об идеальном обществе. Такие цели становятся частью экстремистской убежденности и предстают как особые вторичные, психологические мотивы агрессивного поведения экстремиста. Специфика рождения агрессивной мотивации экстремистского поведения заключается в том, что убеждения, лежащие в его основе, в содержательном отношении являются фантастическими, иллюзорно-утопическими. Эти убеждения не отражают адекватно конкретную социальную ситуацию, они не представляют реалистическую картину действительности и поэтому не способны дать конструктивный проект ее позитивного преобразования.

Каковы же специфические психологические факторы, провоцирующие экстремистскую агрессивность? Отвечая на этот вопрос, мы должны исходить из признания того, что человеческая агрессия рождается в конкретной социальной ситуации, определяющей характер и страсти личности, ее направленность. Иначе говоря, именно психологическая направленность личности является ключом к пониманию сущности агрессивной экстремистской мотивации как специфической разновидности социальной агрессии. Поэтому мы проясним прежде всего социальные истоки экстремистской психологической направленности личности.

Экстремистская агрессивность имеет своим главным объектом конкретную социальную среду, она всегда направлена на существующую социально-политическую систему, которая воспринимается носителем агрессии как критическая и неприемлемая. Но поскольку это не абстрактная социальная среда, и она всегда воплощена в конкретных социальных институтах и людях, в определенной общественной идеологии, экстремистская агрессивность всегда оказывается направленной на существующие социальные институты и людей, не разделяющих идеологических установок экстремиста. При этом «врагами» для него становятся не только деятельные противники идеологии и практики экстремизма, но и массы простых людей, не разделяющие его экстремистских убеждений и смиряющиеся с существующими социальными порядками. Даже тогда, когда

экстремист сам себя истязает или терпит мучения от своих «врагов», он проявляет агрессивность по отношению к существующей социальной среде, хотя и в извращенной форме.

Изначальная мотивация экстремистской агрессивности обнаруживается в ситуации психологической фрустрации, когда наличная социальная ситуация не позволяет личности реализовать свои базовые жизненные потребности, осознаваемые ею как норма. О социальной обусловленности психологической фрустрации как источнике разрушительной мотивации агрессивного поведения говорит и И.И. Лысак: «Действие социокультурных факторов преломляется в психике индивида, именно так формируются потребности в принадлежности, признании, самореализации и т. д., во многом определяющие особенности поведения и деятельности индивида. В случае невозможности их удовлетворения возникает состояние фрустрации, возможным способом преодоления которого становится деструкция» [2, с. 35].

Здесь необходимо понимание того, что не все личности в ситуации социальной фрустрации становятся экстремистами. Огромные массы людей жили и живут в подобной ситуации, которая обостряет или смягчает интенсивность негативной психологической мотивации их поведения. Но чем сильнее проявляются социальные различия в качестве жизни отдельных групп общества и чем ниже уровень жизни беднейших слоев, тем выше степень социальной фрустрации. И чем больше социальный разрыв между богатейшими и беднейшими слоями населения, тем ниже представлений о средней норме жизни оказываются беднейшие слои общества. И их социальная фрустрация будет тем сильнее, поскольку «увеличивающийся разрыв между желаемым и возможным усиливает фрустрацию», и она «произрастает из зияющего разрыва между ожиданиями и достижениями» [3, с. 473].

Так или иначе существующая ситуация социальной фрустрации получает свое теоретическое выражение в идеологии экстремизма. Затем эта идеология, которая характеризуется утопичностью, иллюзорностью и фантастичностью, привносится в сознание готовых к ее восприятию масс. Другими словами, вначале экстремистская идеология рождается фрустрационной мотивацией как инструментальная цель агрессии, затем эта идеология становится преобладающим мотивом, т. е. происходит переориентация мотива на цель или превращение реактивно-психологической оборонительной агрессии в инструментальную агрессию. В этом экстремистская агрессия, не утрачивая и своей психологически реактивной природы, превращается в инструментально-реактивную или реактивно-инструментальную агрессию. Цели и мотивы такой агрессии не только идеологичны, но и крайне интенсивны. Благодаря своей интенсивности и напряженности они придают всем действиям личности агрессора необычную жесточенность, одержимость, ярость и гнев.

Доминирующим мотивом экстремистской агрессии является кардинальное изменение существующей социальной реальности в соответствии со своими идеологическими проектами. Сами социально-политические идеалы экстремиста могут быть религиозными, националистскими, расистскими, коммунистическими, либеральными и пр., они могут быть представлены в самых различных теоретических формах и модусах (от простого набора примитивных лозунгов до детально разработанной идеологической системы). Но важно то, что в недрах психологии экстремиста уже заложено убеждение в том, что нетерпимая для него социальная среда может быть изменена к лучшему только насильственными действиями. Из этого следует, что психологическая мотивация экстремистской агрессивности изначально увязана с преобладающим мотивом социальной агрессии. Иначе, активное стремление к деструкции, нанесению существующей

социальной среде максимального ущерба является основным мотивом экстремистской агрессивности.

Основной мотив экстремистской агрессии сознательно или подсознательно маскируется ее носителем конструктивным мотивом созидания. Как известно, для созидания нового «правильного» общества вначале нужно разрушить существующее «неправильное». Поэтому носителем экстремистской агрессивности смысл жизни усматривается в разрушительной борьбе, а конструктивная цель созидания для него не играет никакой роли. Подобная мотивация социальной агрессивности экстремиста получила яркое поэтическое выражение в известных словах из «Интернационала»: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...». Но времени для «затем», т. е. социального созидания, построения нового «правильного» общества для него никогда не наступает. Иначе говоря, в экстремистской агрессии наблюдается четкая тенденция сдвига конструктивной цели созидания «правильного» мира на деструктивную цель разрушения «неправильного» общества. Единственной, главной и доминирующей целью экстремистской агрессии постепенно становится разрушение.

Сдвиг фрустрационного мотива на идеологическую цель, а затем созидательной цели на разрушительную приводит к тому, что деструкция превращается в ведущий мотив деятельности, а разрушение становится самоцелью. А это уже не разрушение ради создания нового, а разрушение ради него самого же. Экстремистская агрессия, которая начинается с разрушения «неправильного» общества, самой логикой экстремистского действия превращается в слепую, одержимую разрушительность. Об этой метаморфозе ясно и откровенно сказано в известном «Катехизисе революционера»: «Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению» [4, с. 49].

Социально-психологические мотивы экстремистской агрессивности могут проявляться как в террористических атаках против существующих социальных институтов и людей их олицетворяющих, так и в демонстративном уходе самого экстремиста из «неправильного» мира. Террористические действия для экстремиста становятся самой приемлемой формой активного разрушения враждебной социальной среды. Но и в уходе от этого мира, хотя в нем вроде бы и нет прямых деструктивных действий, внутренний подтекст борьбы с «неправильным» миром остается таким же агрессивным. Самоизоляция экстремиста оказывается для него самого такой же формой активного саморазрушения и деструкции внешнего мира, как и террористическая атака. Экстремистская агрессия, если оценивать ее в контексте приспособления человека к наличной социальной реальности, дает лишь эфемерную психологическую адаптацию и то исключительно за счет разрушения социальной среды или самоизоляции, ухода из нее. Поэтому она и оказывается чистой деструкцией, разрушением лишь ради разрушения. От нее отличается патологическая деструктивность как обусловленная патологическими нарушениями психики человека.

Всем носителям экстремистской агрессивности присущ специфический хитроумный расчет, связанный с планированием конкретных действий, выбором целей и средств, прогнозированием результатов, коррекцией поведения и пр. Для такого экстремистского расчета свойственно парадоксальное сочетание, с одной стороны, хладнокровного технического анализа конкретных социальных обстоятельств и условий, в которых совершается террористическое действие, а с другой стороны, близорукости, иллюзорности, утопичности, фантастичности, чрезвычайности, характерных для экстремистской агрессивности и вроде бы не совместимых с трезвым расчетом.

Экстремистская агрессивность имеет неодинаковый психологический характер у различных членов экстремистского сообщества. У вождей-вдохновителей экстремизма агрессивность может проявиться как болезненная патологическая страсть. У элиты экстремистского сообщества она носит главным образом инструментальный характер. У рядовых экстремистов она проявляется в основном редкими, хотя и интенсивными вспышками, и носит, как правило, конформистский характер.

Хладнокровная расчетливость экстремистской агрессии основана на тщательном анализе и учете обстоятельств и условий, в которых должно быть осуществлено экстремистское действие. Носитель агрессивности должен знать, с кем и в каких обстоятельствах ему придется столкнуться, должен уметь находить слабые, уязвимые места, выбирать наиболее эффективные средства разрушительного воздействия. Утопичность и близорукость экстремистского расчета заключается в однобоком, искаженном, неадекватном восприятии реальной ситуации и путей выхода из нее. К тому же расчетливость экстремиста краткосрочна, она не способна видеть всего многообразия возможностей развития обстоятельств и поэтому не предлагает различных вариантов приспособления к изменяющейся ситуации.

Фантастичность экстремистского расчета состоит в выборе реально неэффективных средств преобразования социальной среды, в возложении на них неоправданно больших надежд. Причем, как правило, это очень бедный арсенал довольно тривиальных и в то же время радикальных, чрезмерных по силе воздействия на психику «врагов» средств, которому приписываются большие возможности, не адекватные реальному потенциалу. Фантастическая нереалистичность и гипертрофированность предпочитаемых средств и базируемых на них расчетов являются неукоснительными атрибутами экстремистского целеполагания.

Неизбежным следствием близорукости и фантастичности такого целеполагания является призрачность замысловатого, «холодного» экстремистского расчета, которая находит свое выражение в том, что предпочитаемые экстремистами средства и алгоритмы конкретных воздействий никогда не ведут их к вожделенным результатам. Действия экстремистов никогда не заканчиваются реальным переустройством столь ненавистного им имеющегося социального строя. Чаще всего они этот порядок закрепляют в своей основе, ломая лишь небольшие частные его детали. В лучшем для агрессора или худшем для существующего общества случае радикальные меры ведут к уродливому акцентированию самых отрицательных особенностей социальной среды, к неприглядной общественной деформации. Таким образом, экстремистская агрессия конструктивно не преобразует среду, а лишь разрушает ее отдельные частные элементы или носителей, не затрагивая основ.

Органичным проявлением экстремистской расчетливости являются цинизм и неразборчивость в средствах. Якобы благородная цель экстремиста оправдывает любое «эффективное» для ее достижения средство. В целях деструкции неприемлемого общества хороши все средства, и потому экстремистский расчет отбрасывает все нравственные ограничения. «Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции (экстремистской цели. — М.Я.). Безнравственно и преступно все, что мешает ему» [4, с. 48].

Итак, в основе экстремистской агрессивности лежат ложные мотивы и установки, поэтому она по своему содержанию субстанционально иррациональна, в ней цели не соответствуют средствам, а результаты — действиям. Она иллюзорна внешне, но формально рациональна, т. к. экстремист, во-первых, внушает себе её высшую рациональ-

ность, во-вторых, рассчитывает свое действие, его порядок и условия. Конфликт между субстанциональной иррациональностью и формальной рациональностью экстремистской агрессивности ведет к эмоциональному напряжению, требующему энергии аффекта. Но это не слепой, а идейный аффект, искусственно индуцируемый самим экстремистом или его соратниками.

Подводя итог вышесказанному, мы можем определить экстремистскую агрессивность как особый вид социальной агрессивности, как инструментально-реактивную по содержанию, разрушительную по формам проявления и утопическую по социальным результатам форму социального поведения. Она проявляется в критических социальных условиях, которые препятствуют реализации базовых жизненных потребностей и интересов личности и не дают возможностей нормальной ее самореализации.

Литература

1. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2004.
2. Лысак И.В. Человек-разрушитель // Деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. – Таганрог, 1999.
3. Майерс Дэвид. Социальная психология. – СПб: Питер, 2001.
4. Катехизис революционера // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Ростов н/Д, 1996.

Поступила в редакцию 19 мая 2014 г.

UDK 159.94

Psychology of extremist aggression

M. Ya. Yahyaev, Z. G. Yahyaeva

Daghestan State University; muchtar59@mail.ru

In this article we try to detect specific psychological factors, provoking extremist aggression, analyze mechanisms, determining aggressive behavior, substantiate the idea that psychological motivation of the extremist aggression is initially connected with the prevailing motive of an active desire for destruction and causing maximum damage to the existing social environment.

Keywords: *aggression, aggressiveness, extremist, motivation, aim, frustration, destruction.*

Received 19 May, 2014